

Информация для цитирования:

Щедрин Н. В. Уголовное управление // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 40. С. 319–331. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-319-331.

Shchedrin N. V. Ugolovnoe upravlenie [Criminal Law Management]. Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2018. Issue 40. Pp. 319–331. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-319-331.

УДК 343

DOI: 10.17072/1995-4190-2018-40-319-331

УГОЛОВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**Н. В. Щедрин**

Доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой деликтологии и криминологии

Сибирский федеральный университет

660041, Россия, г. Красноярск, просп. Свободный, 79

ORCID: 0000-0001-8226-9449

ResearcherID: H-6444-2017

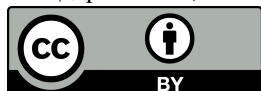
E-mail: sveroboy@mail.ru

Поступила в редакцию 18.05.2017

Введение: по своей сути уголовно-правовое регулирование является разновидностью социального управления, т. е. воздействия на общество, социальные группы, отдельных индивидов с целью упорядочения их деятельности. **Цели и задачи:** рассмотреть уголовное воздействие и его институты в контексте закономерностей социального управления, выявить противоречия и сформулировать предложения по их устранению. **Методы:** формальной и диалектической логики, социолого-статистические, системный подход, моделирование, сравнительно-правовой. **Результаты:** для повышения управленческой эффективности уголовное воздействие следует рассматривать в единстве правотворческого, правоприменительного и правоисполнительного циклов, для чего необходимо уточнить цели каждого из циклов и увязать их в единое «дерево целей». Уголовное управление осуществляется посредством двух рычагов – ограничения и стимулирования. Его специфика заключается в том, что, во-первых, ведущими являются ограничительные меры, а позитивно-стимулирующие играют вспомогательную роль. Во-вторых, применение тех и других законодательно регламентировано по разрешительному типу. Применение и изменение интенсивности уголовного воздействия осуществляется на основании формализованных управленческих оснований, в качестве которых используются юридические факты в виде уголовного деяния и (или) уголовного события. Видами уголовных деяний должны стать уголовное посягательство, уголовное преступление и уголовный проступок. В качестве юридических фактов для позитивного стимулирования предлагается ввести категорию «уголовно-значимые заслуги» – деяние или событие, служащее основанием для освобождения или смягчения уголовно-ограничительных мер. Диспозиции статей Особенной части УК трактуются как правила особой безопасности, созданные законодателем для особой охраны конституционных ценностей. «Периодическая система» правовых последствий нарушения правил безопасности включает в себя санкции наказания, безопасности, восстановления и поощрения, которые могут параллельно или последовательно соединяться между собой. **Выводы:** использование категорий и принципов теории социального управления позволяет обнаружить и устранить системные просчеты в уголовно-правовом регулировании и тем самым повысить его эффективность.

Ключевые слова: социальное управление; уголовное воздействие; уголовная ответственность; правила безопасности; санкции наказания; санкции поощрения; санкции восстановления; санкции безопасности; уголовное деяние; преступление; проступок; уголовное событие; уголовно-значимая заслуга

© Щедрин Н. В., 2018

CRIMINAL LAW MANAGEMENT

N. V. Shchedrin

Siberian Federal University
79, prospekt Svobodny, Krasnoyarsk, 660041, Russia
ORCID: 0000-0001-8226-9449
ResearcherID: H-6444-2017
E-mail: sveroboy@mail.ru

Received 18.05.2017

Introduction: in its essence, criminal law regulation is a kind of social regulation, i. e. influence on society, social groups, individuals aimed at streamlining their activities. **Purpose and objectives:** to consider criminal law influence (measures, sanctions) and its institutions in the context of patterns and regularities of social management, to reveal contradictions and formulate propositions to resolve them. **Methods:** the methodological framework of the research is based on methods of formal and dialectical logic, sociological statistic, comparative jurisprudence, system approach, modeling. **Results:** in order to increase management effectiveness, criminal measures should be considered in the unity of law-making, law enforcement, and law implementation cycles. Thus, it is necessary to clarify the objectives of each cycle and link them into a single “tree of goals”. Criminal law management is performed by means of two levers – limitation (via restrictions) and stimulation (via incentives). Its specific features are as follows: first, limiting measures are leading while positive-stimulating ones play a secondary role; second, implementation of both kinds of measures is legally regulated according to the permissive type. The application of criminal measures and change in their intensity is performed based on the formalized grounds for management, those being juridical facts in the form of criminal act or (and) criminal event. Criminal encroachment, crime and criminal offense must be considered the types of criminal acts. As for juridical facts for positive stimulation, in the paper, it is proposed to introduce a category “criminally significant merit” – an action or event being the ground for the release or mitigation of criminal restrictive measures. Dispositions of articles of Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation are interpreted as rules of special security, created by the legislator for special protection of constitutional values. The “periodic system” of legal consequences of violating security rules includes sanctions of punishment, security, restoration and incentive ones, which can be combined in parallel or in succession. **Conclusions:** the use of categories and principles of social management theory makes it possible to find and eliminate system faults in criminal law regulation, and thereby increase its efficiency.

Keywords: social management; criminal measures; criminal liability; security rules; sanctions of punishment; incentive sanctions; restoration sanctions; security sanctions; criminal act; crime; criminal offense; criminal event; criminally significant merit

Введение

Название статьи – не ошибка автора, а специальный прием для привлечения внимания как можно большего числа читателей. Если кодекс может быть уголовным, то почему не может быть уголовного управления?

Управленческий подход в юриспруденции становится все более востребованным не только в административном праве¹, но и в науках кри-

минального цикла. Единственный тезис, по которому в криминологии еще нет дискуссий, формулируется так: «противодействие (предупреждение) преступности – разновидность социального управления» [12]. Этот криминологический постулат начинает использоваться и в уголовно-правовой науке, которая постепенно переходит от «статичного» к «динамичному» ведению правового регулирования, что отражается даже в терминологии. Если раньше писали, главным образом, об «уголовной ответственности», то сейчас модным становится термин «уголовно-правовое (уголовное) воздействие».

¹ По мнению Н. В. Макарейко, «общие черты социального управления состоят в следующем: существует там, где имеет место совместная деятельность людей и их общностей; обеспечивает упорядоченное воздействие на участников совместной деятельности; направлено на достижение определенной управленческой цели; характеризуется наличием субъекта и объекта управления; субъект управления наделяется определенным властным ресурсом; объ-

ект управления является подвластным субъектом, сознательно-волевое поведение которого должно изменяться в соответствии с указаниями субъекта; реализуется в рамках определенного механизма» [8, с. 9].

О. Н. Бибик для обозначения всего комплекса отношений, связанных «с деятельностью государства по профилактике, предупреждению, пресечению преступлений, а также восстановлению нарушенных прав и законных интересов потерпевших», предлагает использовать не привычный термин «уголовная политика», а словосочетание «государственное управление в сфере противодействия преступности» [2, с. 15].

Не вдаваясь в дискуссию о соотношении указанных понятий, хотелось бы обратить внимание коллег на перспективность использования управленческого подхода не только в криминологии, но и в уголовном праве. При этом комплекс противодействия преступности следует рассматривать в контексте не столько государственного, сколько социального управления, под которым понимается «процесс воздействия на общество, социальные группы, отдельных индивидов с целью упорядочения их деятельности, повышения уровня организованности социальной системы» [8, с. 9].

Система противодействия преступности должна исходить, прежде всего, из интересов социума, а потом уже государства. Именно под «управленческим» углом зрения могут быть найдены достойные ответы на «вечные» вопросы не только криминологии, но и уголовного права. Однако в уголовно-правовых исследованиях формально-догматические методы и теория социального управления практически не используются.

О целях уголовного управления

В основе выделения и обособления систем (подсистем) управления, как известно, лежит принцип целеполагания. «Матрешечная» иерархия систем определяется «деревом целей». Конечная цель любой управляющей системы является промежуточной по отношению к вышестоящей системе, и, наоборот, конечная цель нижестоящей должна рассматриваться как промежуточная по отношению к конечной цели вышестоящей системы.

Система противодействия преступности является элементом системы более высокого уровня, но и сама, в свою очередь, состоит из элементов – подсистем, которые при определенном ракурсе исследования можно рассматривать как самостоятельные системы, состоящие из ряда нижестоящих. Уголовное воздействие можно и нужно рассматривать как подсистему противодействия преступности, а в определенных контекстах и как относительно самостоятельную систему социального управления. Рассматривая противодействие преступности под управленческим углом зрения, нетрудно заметить типичную ошибку:

отсутствие иерархии целей. Перед нижестоящей системой ставятся цели более высокого уровня и наоборот. Простраивание «дерева целей» – необходимое условие эффективного управления: цели уголовного наказания являются промежуточными по отношению к уголовному воздействию, цели которого, в свою очередь, являются промежуточными по отношению к системе противодействия преступности.

Принято считать, что общей целью социального управления является гомеостазис – обеспечение динамического равновесия в социальной системе, сохранение ее качественной определенности вопреки внешним и внутренним источникам опасности.

Безопасность как новая парадигма и цель современной уголовной политики активно обсуждается не только в российской, но и в зарубежной юридической науке [16]. Наиболее привлекательной представляется идея М. М. Бабаева, согласно которой стержнем и генеральной целью уголовной политики должна стать криминологическая [1, с. 133], а в нашей интерпретации – антикриминальная безопасность.

Антикриминальная безопасность – это необходимое для устойчивого развития *состояние* социальной системы, при котором уровень опасных посягательств на системообразующие социальные конструкции находится ниже порога, за которым начинается распад или трансформация одной социальной системы в другую. Одновременно антикриминальная безопасность – это *цель* системы противодействия преступности.

В последние годы в нашей стране велось много разговоров о поиске «национальной идеи», о «скрепах», «цементирующих» российское общество. Полагаем, главные «скрепы» уже найдены и закреплены в документе, который называется Конституция Российской Федерации. А национальной идеей россиян должно стать уважительное отношение к положениям, закрепленным в Конституции. Именно права и свободы граждан, принципы общественного и государственного устройства, одобренные большинством населения на референдуме, и являются объектами особой охраны, в том числе средствами уголовного воздействия¹.

Цель системы противодействия преступности заключается в удержании интенсивности опасных посягательств на объекты, закрепленные Конституцией в качестве системообразую-

¹ Подобный подход имеет место в уголовном праве ФРГ, где объектом уголовно-правовой охраны является правовое благо (Rechtsgueter) – ценности общественной жизни, лежащие в основе конституции [26, с. 2].

щих конструкций современного общества, ниже порогового уровня.

Цель подсистемы (системы) уголовного воздействия – защита особо охраняемых объектов посредством: а) формулирования правил особой безопасности (диспозиций), санкций за их нарушение, правил и процедур их назначения и исполнения; б) применения (назначения) уголовных санкций к лицам и организациям, нарушившим правила особой безопасности; в) исполнения назначенных санкций.

Система уголовного воздействия состоит из трех управленческих циклов: правотворческого, правоприменительного и правоисполнительного. Следовательно, «матрешечный» подход должен выдерживаться и здесь: конечная цель системы уголовного воздействия достигается через промежуточные цели этих циклов. А все промежуточные цели должны быть «привязаны» к конечной цели, к конечному результату. В настоящее время эти три управленческие цикла напоминают крыловских персонажей – лебедя, рака и щуку.

Для согласования трех циклов управленческой деятельности необходимо отлаживать существующие и искать новые формы сотрудничества всех субъектов управленческих циклов: от совместного обсуждения проблем до совместного проектирования и одновременного принятия пяти кодексов – уголовно-правотворческого, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и процедурно-уголовно-исполнительного.

О ресурсах уголовного управления

В социальном управлении принято выделять такие подсистемы, как *субъект, объект, управляющее воздействие, обратная связь и ресурсы*. Ограниченный объем публикации не позволяет подробно охарактеризовать каждую из подсистем [13], но небольшой акцент на последней из них все-таки необходим.

Возможности уголовного воздействия определяются не только количеством и качеством статей в Уголовном кодексе, но и количеством, а главное, качеством имеющегося *ресурсного обеспечения*. При совершенствовании уголовного законодательства можно «замахиваться» только на те задачи, до реализации которых мы «доросли» в финансово-экономическом, организационном, аналитическом, научно-методическом, кадровом, нормативном и пропагандистском обеспечении. Как говорят, «по одежке – протягивай ножки». Эту народную мудрость хорошо иллюстрирует пример с такой мерой уголовного наказания, как арест. На арестные дома денег в бюджете так и не нашлось.

«Реализация проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации” ... не потребует дополнительных расходов из федерального бюджета», – привычно пишут уголовные законодотворцы в пояснительных записках. Но, похоже, они не учитывают, какой дополнительный объем работы падает на правоприменителя и правоисполнителя не только в случаях криминализации или пенализации, но и в случаях декриминализации или смягчения ответственности, хотя бы для реализации нормы об обратной силе уголовного закона.

А уж при введении новых составов правоохранительная система вынуждена кардинальным образом перераспределять свои и без того ограниченные ресурсы, часто отвлекаясь от обеспечения безопасности на придуманные депутатами объекты охраны. Организуя уголовно-правовую охрану таких объектов, как «чувства верующих» или «история», которые в Конституции РФ не упоминаются, законодатель вынужден «разгружать» правоохранительную систему, декриминализируя побои и ослабляя тем самым охрану такой конституционной ценности, как «личная неприкосновенность» (ст. 22 Конституции РФ).

Сегодня норму о клевете упраздняют, завтра клевету вновь криминализируют. Сегодня отменяют конфискацию, завтра вводят ее в другом трудно узнаваемом обличье. Сегодня вводят кратные штрафы как якобы действенное средство против коррупционных преступлений, а уже завтра их критикуют как якобы неэффективное. И самое интересное, что никто из авторов провалившихся законопроектов за очевидные промахи и издержки не несет даже репутационных издержек.

Значительная часть злоупотреблений в правоохранительной сфере, по большому счету, есть следствие невозможности переработать реально совершаемое количество деяний, запрещенных уголовным законом. «По одежке протягивай ножки», «выше головы не прыгнешь», «дурная голова ногам покоя не дает» – правила, «отлитые» народом в пословицы, чрезвычайно актуальны и для современного этапа развития уголовного права.

Недооценка ресурсной составляющей – недостаток не только правотворческого, но и правоприменительного цикла. Судья, как правило, слабо представляет, какой объем «человеческих часов» необходим для того, чтобы исполнить вынесенный им приговор. Если для него с вынесением приговора управленческий цикл завершается, то работа по его исполнению только

начинается. Самое адекватное наказание не будет надлежащим образом исполнено, если для этого нет соответствующих ресурсов.

О проблеме ресурсного обеспечения автору уже приходилось писать. В этой статье уместно еще раз обратить внимание коллег на две составляющих. Одно из самых уязвимых мест в системе уголовного управления – это *информационно-аналитическое* обеспечение. Субъекты уголовного воздействия привычно продолжают управлять, игнорируя механизм обратной связи. Такая система в кибернетике называется «разомкнутой» и считается малоэффективной.

Несмотря на требования указа Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», независимый мониторинг уголовного правоприменения практически не осуществляется. Даже одно из преимуществ, которые имеет Россия, – сплошное статистическое наблюдение в полной мере не используется из-за ведомственной закрытости и манипулятивных искажений.

Деятельность по противодействию преступности – не менее наукоемкая область, чем, например, ядерная физика. Однако *научно-исследовательский* потенциал, который задействован в настоящее время для изучения преступности, несоизмерим с масштабами этого сложнейшего социального явления. Научное сопровождение системы уголовного воздействия, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Уголовно-правовая наука продолжает прирастать, главным образом, за счет усилий вузовских преподавателей, «замордованных» возрастающими объемами бюрократии и учебной нагрузкой. И оптимистических перспектив в этом направлении не просматривается. Корпусов для уголовно-правовых НИИ в наукоградах, увы, не запланировано, «криминологических коллаидеров» строить не собираемся. Последствия уголовного законодательства не прогнозируются даже с помощью экспертных оценок. Криминологическая экспертиза уголовных законов и их проектов не осуществляется. Многочисленные обращения ученого сообщества к властям игнорируются.

О юридических фактах как основаниях мер уголовного управления

Все средства уголовно-правового управления можно применять только на основании соответствующих юридических фактов, которыми, согласно общей теории права, являются действия и события. В свою очередь, действия подразделяются на правомерные и неправомерные. Для нужд уголовно-управляющего воздействия используется весь спектр названных юридических фактов.

Все юридические факты, служащие основаниями для корректирующего воздействия, можно подразделить на два вида: уголовно-значимые деяния и уголовно-значимые события.

Доктрина российского уголовного права продолжает исходить из устаревших положений классической школы, согласно которым, главным юридическим фактом в уголовном праве является такое неправомерное действие (бездействие), как преступление. Однако системное толкование ст. 14 Уголовного кодекса РФ позволяет однозначно утверждать, что помимо преступления – т. е. «виновно совершенного общественно опасного деяния» существует «невиновно совершенное общественно опасное деяние», оба из которых являются видами категории более высокого уровня – «общественно опасного деяния». Уголовный кодекс РФ оперирует также словосочетаниями «общественно опасное посягательство» (ст. 37), «причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам» (ст. 39, 40, 41, 42). Большинство из этих категорий непосредственно в уголовном законе не определены, а потому не ясно, как они соотносятся друг с другом и, соответственно, с понятием «преступление».

Негативным юридическим фактом первого порядка должно стать не преступление, как сейчас, а *уголовное деяние*, видами которого нужно сделать *уголовное посягательство*, *уголовный проступок* и *уголовное преступление* [13]. К слову, введение в уголовное законодательство категории «уголовный проступок» позволит снизить нагрузку на систему уголовной юстиции, не прибегая к широкомасштабной декриминализации, как это предлагает Председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев.

Кроме уголовно-значимых деяний в качестве негативных управленческих сигналов в теории и в законодательстве должно быть артикулировано *уголовное событие*, характеризующее уголовно значимые обстоятельства, относящиеся к природной или антропогенной среде (стечение тяжелых жизненных обстоятельств, чрезвычайное положение, боевая обстановка) или к личности преступника и личности потерпевшего (болезнь, возраст). Уголовные события могут использоваться как основания ограничительных и поощрительных санкций.

Возникла необходимость введения в уголовное право такой категории, как *уголовно-значимая заслуга*, т. е. социально одобряемое деяние или событие, с которыми уголовный закон связывает такие управленческие действия, как исключение применения меры уголовного воздействия, освобождение от нее или ее смягчение.

Об ограничительных и поощрительных рычагах уголовного управления

По правильному обобщению А. В. Малько, «все виды социального управления можно представить:

1. в виде *со-действия* удовлетворению социально-ценных интересов, т. е. стимулирования;
2. в виде *противо-действия* удовлетворению интересов антиобщественных, т. е. ограничения» [9, с. 37].

Суть социального управления можно наглядно передать через сравнение с управлением гусеничной техникой, осуществляемым с помощью газа и тормоза. Даже для того чтобы сделать поворот, блокируется одна из гусениц. Современную Россию можно сравнить с танком, который стоит на месте или движется кругами, только потому, что водитель умеет пользоваться, главным образом, блокирующими рычагами.

Складывается ощущение, что позитивное стимулирование – это рычаг, малоиспользуемый всеми ветвями российской власти. «Держать и не пущать» – наш главный, переходящий из столетия в столетие метод управления. Ограничения и запреты настолько опутали россиян, что творчество в любой сфере уже рассматривается если не как правонарушение, то как девиация [4].

Уголовно-правовое управление воспринимается населением и даже специалистами преимущественно как использование ограничительных рычагов. Но на самом деле – это сочетание ограничения и позитивного стимулирования. Диспозиции статей Особенной части, с одной стороны, очерчивают круг запрещенных типов поведения, но, с другой стороны, обозначают пределы свободной активности в незапрещенных сферах. И чем меньше уголовных ограничений, тем больше простора для активного экономического и другого творчества.

Даже если имело место нарушение уголовно-правового запрета, во все циклы уголовного управления заложены сигналы, поощряющие общественно полезное поведение: явка с повинной, деятельное раскаяние, возмещение вреда.

Уголовное воздействие – это сложный и многоступенчатый механизм, состоящий в правильном сочетании ограничивающих и стимулирующих сигналов и команд. Чтобы двигаться вперед и корректировать личный и коллективный векторы движения общества, надо не «тормозить», а «притормаживать».

Как отмечалось выше, главная цель уголовного воздействия достигается через промежуточные цели, а соответственно, через промежуточные виды деятельности. Разъединив уголов-

но-управленческий алгоритм, можно выделить, как минимум, 12 операций: 1) обозначение объектов особой охраны; 2) формулировку правил особой безопасности (гипотез и диспозиций); 3) описание «уголовных деяний», т. е. типов поведения, представляющих опасность для уголовно-охраняемых объектов; 4) описание признаков, указывающих на повышенную опасность лиц, совершивших уголовные деяния; 5) установление ограничительных санкций за совершение уголовных деяний; 6) формулировку «уголовно-значимых заслуг», т. е. описание признаков общественно-полезного поведения и признаков личности, которые снижают опасность содеянного и уменьшающих вероятность повторения уголовных деяний; 7) установление санкций поощрения за «уголовно-значимые» заслуги; 8) формулировку правил назначения уголовных санкций; 9) применение (назначение) уголовных санкций к лицам, нарушившим правила особой безопасности; 10) исполнения ограничительных санкций; 11) применение санкций поощрения; 12) исполнение санкций поощрения.

Уголовное управление связано с существенным ограничением конституционных прав и свобод граждан, поэтому оно осуществляется не только в строгих рамках норм материального права, но и правотворческого, правоприменительного и правоисполнительного уголовных процессов. На сегодняшний день имеется только Уголовно-процессуальный кодекс; нормы уголовно-исполнительного процесса еще не выделены в отдельный кодекс; вопрос о создании Уголовно-законотворческого кодекса впервые ставится в настоящей статье.

О лишнем звене уголовного управления

Специфика уголовно-управляющего воздействия состоит в том, что ведущими в нем являются ограничительные меры, а позитивно-стимулирующие играют вспомогательную роль. Поощрение в уголовном праве используется для устранения или смягчения ограничительных обременений, предусмотренных уголовным законом, на основании уголовно-значимой заслуги. Применение уголовно-правовых мер осуществляется по разрешительному типу и должно укладываться в строгие рамки ограничительных и поощрительных норм: гипотеза, диспозиция, санкция. Говоря языком управления, «каналы управляющего воздействия» жестко регламентированы уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным законодательством.

Принято считать, что управление в уголовно-правовой сфере осуществляется с помощью

«джойстика», именуемого «уголовная ответственность». Но напомним, что эта категория введена в российский легальный и научный оборот относительно недавно – в 60-е годы прошлого столетия. В теории уголовного права существует не менее 8 определений уголовной ответственности, а в самом уголовном законодательстве определение вообще отсутствует. При этом значительная часть мер воздействия, предусмотренных Уголовным кодексом, не охватывается понятием «уголовная ответственность», а подавляющее число зарубежных уголовно-правовых систем прекрасно обходятся без использования этой категории.

В чем состоит необходимость категории «уголовная ответственность», и для решения каких именно задач «изобретена» эта юридическая фикция? Проверка с помощью методологического приема, известного как «Бритва Оккама», показывает, что категория «уголовная ответственность» является не только излишним звеном, но и мешает пониманию и восприятию управленческого механизма уголовного воздействия. Попробуйте, например, объяснить, чем отличается освобождение от *уголовной ответственности* с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК) от освобождения *от наказания* с применением тех же принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92 УК). От чего еще кроме наказания и судимости освобождается несовершеннолетний правонарушитель в первом случае? Если от судебного осуждения – порицания, как считают приверженцы уголовной ответственности, то можно прийти к удивительному умозаключению: при освобождении по реабилитирующим основаниям в досудебной стадии содеянное преступлением вроде и признается, но преступник за его совершение от имени общества не порицается.

Об объектах особой охраны и правилах особой безопасности

Объекты, подлежащие особой охране, обозначены в Конституции Российской Федерации [3]. Они были воспроизведены в качестве родовых объектов или объектов отдельных составов преступлений в Уголовном кодексе 1996 года. Но за 20 лет как-то незаметно во всех управленческих циклах произошла переоценка важности охраняемых объектов. Провозглашенные Конституцией в качестве приоритета права и свободы человека и гражданина (ст. 2) отодвинуты на второй план якобы перед интересами общества и государства, а на самом деле – перед интересами правящей элиты. В неоправданно интенсивном и, казалось бы, хаотичном изменении

уголовного законодательства последних лет эта тенденция прослеживается очень явственно. Якобы публичные интересы укрепляются посредством все большего ограничения таких конституционных прав и свобод, как свобода слова, свобода массовой информации (ст. 29), проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований (ст. 31). Статья 144 УК «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов» и статья 149 УК «Воспрепятствование проведению митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», судя по уголовной статистике, не применяются.

Провозглашение приоритета прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ, по личному мнению автора, стратегически неверно. Устойчивое развитие может обеспечить только *баланс* общечеловеческих, национальных и индивидуальных интересов. Но, как законопослушный гражданин, с уважением относясь и к этому конституционному положению, не могу понять, как без изменения Конституции публичные отрасли законодательства и правоприменительная практика были переориентированы на приоритет интересов государства, а если говорить прямо – на защиту интересов лиц, находящихся при власти.

Необъявленная ревизия коснулась и других положений Конституции. Посягательства на принципы народовластия (ст. 3), идеологического многообразия (ст. 13), верховенства общепризнанных принципов и норм международного права (ст. 9) остаются без правовой и уголовно-правовой оценки.

По Конституции, наша страна является демократическим государством (ст. 1), но важнейший для демократического устройства принцип «разделения властей» по горизонтали (ст. 10) и по вертикали (ст. 12) не соблюдается, что создает реальную опасность трансформации России из демократического в авторитарное государство. Как ни странно, этот системообразующий принцип объектом уголовно-правовой охраны вообще не является. «В стране создана “исполнительная вертикаль” или “управляемая демократия”. Это государство, при котором реальная сила – только исполнительная власть», – констатирует криминолог В. А. Номоконов, [10, с. 52].

Социальное управление осуществляется через информационное взаимодействие посредством передачи субъектом управления команд-сигналов и получения обратной связи. Сигналы несут в себе управляющее воздействие, которое заставляет систему перестраиваться. Применительно к уголовному воздействию управляющие сигналы содержатся в тексте уголовного закона,

в практике его применения и в практике его исполнения.

Возьмем для анализа принцип «равенства граждан перед законом», закрепленный в Конституции (ст. 19) и продублированный в Уголовном кодексе (ст. 4). За нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина в ст. 136 УК предусмотрено уголовное наказание. Как это выглядит на деле?

Специалисты и обыватели прямо-таки «затаили дыхание» перед вынесением приговора по делу «Оборонсервиса». И вот, несмотря на то, что прокурор попросила соучастницу полумиллиардного хищения Евгению Васильеву осудить условно, правосудие свершилось – 4 года реального лишения свободы. Но, то ли за то, что Васильева правильно заправляет, то ли, наоборот, за то, что быстро расправляет кровать, ее через 3,5 месяца условно-досрочно освобождают. И этот последний управленческий сигнал, по сути дела, аннулирует все предыдущие.

Страшась «отъема власти» политическими соперниками, уже «захватившие власть» укрепляют свое монопольное положение и сужают возможности политической конкуренции. Для этого используются любые средства: от постоянного изменения избирательного законодательства в выгодную для правящей партии сторону до избирательного применения всех других отраслей, вплоть до уголовного. Протестные настроения «загоняются внутрь».

Относительно недавно Государственная Дума криминализовала одиночное пикетирование, и по решению Басманного суда гражданский активист Ильдар Дадин за три случая мирного пикетирования на период расследования взят под стражу и осужден на три года лишения свободы. Сопоставление степени общественной опасности содеянного Васильевой и Дадиним, избранных им мер пресечения и наказания, мягко говоря, вызывает вопросы.

В то же время «присвоение власти» через махинации в избирательном процессе, «вытесняется» за пределы уголовно-правовой охраны. Современные избирательные кампании зачастую представляют собой не столько цивилизованный, демократический процесс обновления власти, сколько неравную войну политических противников. Примеры «цветных революций» наглядно свидетельствуют, что различные формы злоупотреблений в избирательном процессе могут стать серьезной угрозой национальной безопасности [7].

Несмотря на то что в Уголовном кодексе есть целых четыре статьи (141, 141.1, 142, 142.2), защищающие власть народа от посягательств, они фактически «не работают». Специалист по

электоральной преступности О. В. Зайцева пишет, что «латентность таких деяний составляет около 600 %» [6, с. 323]. Не потому ли, что посягательство на избирательные права граждан осуществляется, главным образом, со стороны «ветвей», производных от «коренной» учредительной власти?

Уголовно-правовое реагирование становится все более избирательным, и Россия уверенно движется к тому, что скоро все публичные отрасли права можно будет переименовать в одно «избирательное право».

В нашей трактовке, диспозиции норм Особой части Уголовного кодекса – это правила особой безопасности, установленные для охраны провозглашенных Конституцией ценностей, умышленное или неосторожное нарушение которых влечет за собой применение и исполнение уголовных санкций. Типичная ошибка (если не злоупотребление) творцов современной правотворческой и правоприменительной политики состоит в том, что правила особой безопасности устанавливаются по поводу объектов, охрана которых необходима для обеспечения безопасности власти, но, в конечном счете, ведет к ослаблению охраны общенациональных и общечеловеческих ценностей.

О четырех видах уголовных санкций

Современная наука уголовного права сосредоточилась преимущественно на исследовании ограничительных санкций, а в самой ограничительной составляющей предпочтение отдается санкциям наказания. Между тем по данным уголовно-правовой статистики за 2013 год из 1 012 563 (100 %) выявленных за совершение преступления лиц наказание было назначено только в отношении 529 406 (52 %). В отношении 216 118 (21 %) в возбуждении уголовного дела отказано или дела были прекращены по нереабилитирующим основаниям с применением мер воздействия, не являющихся наказанием, и по приговорам, вступившим в законную силу. Еще 206 199 (20,3 %) осужденных были освобождены от наказания с применением иных мер, главным образом в виде условного осуждения – 201 555 (19,9 %) [11, с. 150–158]. Если к этому добавить 65 237 осужденных, которые были в 2013 году освобождены от наказания условно-досрочно, то совершенно очевидно, что более чем к половине лиц, привлеченных за деяния, запрещенные уголовным законом, применяются меры, альтернативные наказанию. Ретроспективный анализ уголовно-правовой статистики отчетливо проявляет тенденцию – «от уголовного права наказания к уголовному праву воздействия».

Вопреки расхожему мифу российское, как и любое зарубежное, уголовное право [17, с. 2063; 22], никогда не было сугубо «наказательным». В нем всегда использовался достаточно широкий спектр видов воздействия, в том числе и поощрительных. Даже институт возмещения вреда, причиненного преступлением, не всегда относился к гражданскому праву [5]. Попытки все правовые последствия запрещенного уголовным законом деяния свести к уголовному наказанию неперспективны. «Кризис наказания» давно уже диагностирован в мировой литературе [14].

Фактически в настоящее время все современные уголовно-правовые системы являются, как минимум, «двухколейными» (нем. – *zwei-spurige Systeme*, англ. – *double-track Systems*), т. е. кроме наказания включают в себя какие-то иные последствия запрещенного уголовным законом деяния. Официальная доктрина немецкого уголовного права исходит из того, что уголовное право ФРГ является «двухколейным» и предусматривает две группы санкций: меры наказания и меры безопасности [15, с. 346; 18, с. 672; 19, с. 1–3; 20; 21]. В последние десятилетия к двум названным последствиям добавились еще и третья «колея» – меры восстановления [24, с. 7].

В науке российского уголовного права вопрос в такой плоскости почти не рассматривался. Но совершенно очевидно, что авторы Уголовного кодекса 1996 года пошли по пути к «многоколейности». Иначе чем объяснить деление правовых последствий на «наказание» и «иные меры уголовно-правового характера» (ст. 2, 7 УК РФ) и наличие в Кодексе, например, принудительных мер медицинского характера, принудительных мер воспитательного воздействия? Введение раздела VI «Иные меры уголовно-правового характера» еще более обнажило тенденцию, в соответствии с которой российское уголовное законодательство из «одноколейно-наказательного» все более и более превращается в «многоколейное».

Этот шаг законодателя оживил научный интерес к иным мерам уголовно-правового характера. Но дискуссии разворачиваются, главным образом, вокруг перечня мер, которые не относятся к наказанию. Исследователи, за редким исключением, не пытаются углубиться в обсуждение правовой природы иных мер уголовно-правового характера. Из каких «первоэлементов» они состоят?

В нашей трактовке действующая модель российского уголовного права является «четырёхколейной», т. е. включает в себя четыре вида правовых последствий уголовного деяния – *мер*

уголовного воздействия: три ограничительных санкции – *наказания, безопасности, восстановления*; и одну позитивно-стимулирующую санкцию – *поощрения*.

Из четырех названных санкций в действующем уголовном законе легальное определение имеет только *санкция наказания* (ст. 43 УК РФ). Но, как нам представляется, определение наказания и его цель должны быть скорректированы. В новом Уголовном кодексе характеристика наказания могла бы выглядеть так:

«Уголовная санкция наказания есть предусмотренная настоящим Кодексом мера государственного принуждения, назначаемая судом.

Уголовные санкции наказания могут применяться к физическому лицу, совершившему уголовное преступление или уголовный проступок, и заключаются в лишении законных благ или ограничении прав и свобод этого лица.

Уголовные санкции наказания применяются в целях формирования установок о неприемлемости и невыгодности совершения уголовных деяний, как у самого лица, совершившего уголовное преступление или проступок, так и у окружающих» [13, с. 57].

Несмотря на то, что *санкции безопасности* давно «квартируют» в российском уголовном законодательстве как ограничения безопасности в принудительных мерах медицинского характера, принудительных мерах воспитательного воздействия, в режимах исправительных учреждений, условного осуждения и условно-досрочного освобождения, они до сих пор не удостоились легального определения и полноценного признания в теории.

Полагаем, что в Уголовном кодексе следующего поколения их определение могло бы выглядеть так: «Уголовная санкция безопасности применяется к физическому лицу или к организации, которые совершили уголовное деяние, и заключаются в обнародовании сведений, изъятии имущества, возложении специальных запретов и обязанностей.

Уголовные санкции безопасности применяются к физическим лицам в целях ограничения возможности совершения новых преступных деяний и создания условий для эффективного воспитательного и медицинского воздействия, к организациям – в целях ограничения возможности совершения новых преступных деяний» [13, с. 58–59].

Санкции восстановления в системе российского права «прописаны», главным образом, в гражданско-правовой отрасли. Но в последние годы мы наблюдаем начало их возвращения в уголовное право (ст. 90 УК РФ). Уверены, что меры восстановления в ближайшей перспективе

должны поменять статус «нелегальных мигрантов» и обрести «равноправие» с другими уголовными санкциями. Пример тому – уголовное законодательство ФРГ, где ученые отмечают появление в уголовном праве третьей «колеи» – мер восстановления (*die Wiedergutmachung*), и в последние десятилетия на практике успешно реализуется модель «преступник-жертва-компенсация» (*Täter-Opfer-Ausgleich – TOA*) [25]. Восстановительные технологии, в том числе в уголовном праве, становятся все более популярными в большинстве европейских государств [23].

В новом Уголовном кодексе РФ они могут быть определены следующим образом: «Уголовная санкция восстановления применяется к физическому лицу или к организации, которые совершили уголовное деяние, и заключается в обязанности этого лица или этой организации возместить ущерб или иным образом загладить вред, причиненный этим уголовным деянием.

Уголовные санкции восстановления применяются в целях возмещения и заглаживания морального и материального вреда, причиненного уголовным деянием» [13, с. 59].

Словосочетание «санкции поощрения» применительно к уголовному праву ввергает многих криминалистов почти в шоковое состояние и вызывает у них резкое неприятие. Между тем наличие поощрительных норм (как диспозиций, так и санкций), в том числе и в уголовном законодательстве, давно доказано в работах В. М. Баранова, Ю. В. Голика, И. Э. Звечаровского, А. В. Малько, Р. М. Мелтоянна, В. Н. Кудрявцева, Р. А. Сабитова, И. А. Тарханова и других исследователей. Санкции поощрения указаны в качестве общепризнанной категории права даже в учебном пособии, которое рекомендовано Министерством образования для студентов учреждений среднего профессионального образования.

В новом Уголовном кодексе РФ эту группу санкций можно определить следующим образом: «Уголовная санкция поощрения есть предусмотренная настоящим Кодексом мера государственного позитивного стимулирования, назначаемая судом.

Уголовные санкции поощрения применяются к физическому лицу или к организации, которые хотя и совершили уголовное деяние, но имеют уголовно значимую заслугу для исключения применения меры уголовного воздействия, для освобождения от нее или ее смягчения.

Уголовные санкции поощрения применяются в целях стимулирования социально одобряемого поведения физического лица или деятельности организации» [13, с. 59–60].

О многофункциональных и комплексных мерах уголовного воздействия

На сегодняшний день в «периодической системе» санкций уголовного права «открыто» четыре основных «элемента». В большинстве своем меры уголовного воздействия, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, – это «сплавы», в которых параллельно или последовательно сочетаются несколько санкций. Все меры уголовно-правового воздействия, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, чаще всего представляют собой сочетание этих элементов в разных пропорциях. Без «примесей» в уголовном законодательстве они встречаются так же редко, как в природе «чистые» металлы.

Одни и те же меры уголовного воздействия могут быть *многофункциональными*, т. е. в зависимости от целевого предназначения могут выполнять функцию санкций наказания и (или) санкций безопасности и (или) санкций восстановления. Например, «лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью» одновременно является и мерой наказания и мерой безопасности. Любопытно, что в уголовном праве России эта мера значится в перечне мер наказания, а в уголовном праве Германии – в перечне мер безопасности.

Ограничение свободы передвижения может быть как мерой наказания (лишение свободы), так и мерой безопасности (принудительное лечение в психиатрическом стационаре). В самом же наказании в виде лишения свободы при внимательном рассмотрении обнаруживаются элементы кары и мер безопасности (режимы исправительных учреждений)¹, которые создают условия для организации интенсивного воспитательного воздействия на осужденного. Режим психиатрического стационара помимо обеспечения безопасности самого больного и общества создает ограничительные «берега» для благоприятного медицинского воздействия.

В уголовно-правовой науке продолжается дискуссия по поводу правовой природы конфискации. В предлагаемой нами трактовке конфискация должна быть закреплена в Уголовном кодексе РФ как санкция наказания (общая конфискация), как санкция безопасности (специальная конфискация) и как санкция восстановления (восстановительная конфискация).

¹ Показательно, что в УК Украины учреждения для исполнения наказания в виде лишения свободы подразделяются на колонии минимального, среднего и максимального уровней безопасности. В ст. 89 УИК Республики Казахстан в зависимости от режима предусмотрены учреждения минимальной, средней, максимальной, чрезвычайной, полной и смешанной безопасности.

Полагаем, что часть мер, используемых в уголовном праве, следует считать *комплексными*, так как они соединяют в себе разные виды уголовных санкций. К таковым относятся: условное осуждение, условно-досрочное освобождение, освобождение от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия. В рамках названных комплексов соединяются: а) санкции наказания, определенные судом за совершенное преступление; б) санкции поощрения (освобождение от наказания в ответ на уголовно значимую заслугу); в) санкции безопасности в виде специальных запретов и обязанностей; и г) санкции восстановления в виде обязанности возместить (загладить) причиненный преступлением ущерб. Такой подход позволяет решить несколько значимых проблем правоприменения, и в частности вопрос об основаниях, которые дифференцируются применительно к каждой из санкций.

«Четырехколейная» модель уголовного права позволяет относительно безболезненно решить проблему уголовного воздействия на криминальные организации. Вместо уголовной ответственности (читай – наказания) к юридическим лицам, введение которой предполагает наличие искусственной конструкции «вины», мы предлагаем возложение на криминальные организации санкций безопасности и санкций восстановления.

Признание «многоколейности» уголовного права позволяет перевести на другой уровень дискуссию о «возрасте уголовной ответственности». Отказавшись от понятия уголовной ответственности, возраст можно и нужно устанавливать и дифференцировать применительно к каждому из видов уголовных санкций: наказания (основной возраст – 16 лет, за отдельные преступления – 14 лет); безопасности (11 лет), санкциям восстановления (обязанность «принести извинение» и «пройти курс медиации» – 11 лет, возмещение незначительного вреда или частичное возмещение вреда – 14 лет, полное возмещение вреда – 16 лет). Применительно к санкциям поощрения минимальный возраст не должен устанавливаться, поскольку освобождение от уголовно-правовых обременений может применяться и фактически применяется с любого возраста.

Признание «четырёхколейности» уголовного права открывает возможности для новой интерпретации принципа *non bis in idem* (никто не может быть дважды осужден и наказан за одно и то же преступление). Поскольку этот принцип касается только санкции наказания, к совершившему преступление наряду с наказанием и

после него могут применяться санкции безопасности и санкции восстановления.

Один из аргументов против «четырёхколейной» модели состоит в том, что ее якобы трудно внедрить в уголовное законодательство. Но, как уже отмечалось выше, фактически эта модель воплощена. Ее можно «усилить» путем внесения в действующий Уголовный кодекс соответствующих поправок. Однако самый лучший вариант – сделать указанную модель одной из концептуальных идей нового Уголовного кодекса РФ [13].

Заключение

У строителей собора во французском городе Шартре спросили, что они делают? Один ответил, что таскает кирпичи. Другой сказал, что зарабатывает на хлеб. И только третий с гордостью заявил: «Я строю собор!».

К сожалению, все меньше и меньше наших соотечественников ощущают причастность к строительству «собора». Подавляющее большинство населения вообще не понимает, в строительстве какого сооружения они участвуют.

Не является исключением и уголовно-правовая сфера. Кипучая деятельность по «перетаскиванию кирпичей» заслоняет конечные цели, ради которых осуществляется уголовное управление, переключая активность на ведомственные, карьерные и иные «малогосударственные» интересы. Преобладающие в уголовном праве формально-догматические подходы этому способствуют.

Управленческий подход не универсален, но его использование позволяет: выйти за пределы «нормативно-отклоняющегося» профессионального мышления юристов; посмотреть на свою работу «со стороны»; соотнести цели, средства и результат деятельности, которая, так или иначе, касается каждого из россиян.

Библиографический список

1. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М.: Проспект, 2014. 292 с.
2. Бибик О. Н. Концепция развития уголовного законодательства РФ как основа для формирования новой модели государственного управления в сфере противодействия преступности // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели. М.: Проспект, 2012. С. 14–18.
3. Бойко А. И. Подконституционность уголовного закона и ее реализация // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М.: Проспект, 2013. С. 12–16.

4. *Гилинский Я. И.* Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 302–311.
5. *Домникова В. В.* Преступление и гражданское правонарушение в период первой половины XIX века // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее. М.: Юрлитформ, 2013. С. 62–69.
6. *Зайцева О. В.* Уголовная ответственность участников избирательного процесса и принципы криминализации общественно опасных деяний // Преступность, уголовная политика, уголовный закон. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. С. 323–327.
7. *Зырянова И. А.* Общая характеристика коррупции и ее негативных последствий в избирательном процессе // Юридическая мысль. 2014. № 2. С. 77–83.
8. *Макарейко Н. В.* Административное право: краткий курс лекций. М.: Юрайт, 2014. 212 с.
9. *Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве. М.: Юристъ, 2005. 250 с.
10. *Номоконов В. А.* Преступная декриминализация // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 3. С. 48–57.
11. *Преступность и правонарушения (2009–2013):* стат. сб. М.: ГИАЦ МВД России, 2014. 180 с.
12. *Раска Э. Э.* Борьба с преступностью и социальное управление: теоретические и методологические аспекты. Таллин: Ээсти раамат, 1985. 215 с.
13. *Щедрин Н. В.* Новый Уголовный кодекс России в контексте социального управления // Lex Russica. 2015. № 3. С. 48–63.
14. *Christi N.* Limits to Pain. Oxford, 1981. 164 p.
15. *Frisch W.* Die Maßregeln der Besserung und Sicherung im strafrechtlichen Rechtsfolgensystem. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft, 1990 (102). S. 343–393.
16. *Hassemer W.* Freiheit und Sicherheit am Beispiel der Kriminalpolitik. Greifrecht, 2008. Heft 6. S. 73–80.
17. *Jescheck H.-H.* Die Freiheitsstrafe und ihre Surrogate in rechtsvergleichender Darstellung // Die Freiheitsstrafe und ihre Surrogate im deutschen und ausländischen Recht, hrsg. von H.-H. Jescheck. Baden-Baden, 1984. S. 1939–2163.
18. *Jescheck H.-H.* Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. Berlin, 1988. 931 s.
19. *Kammeier H.* Maßregelrecht: Kriminalpolitik, Normgenese und systematische Struktur einer schuldunabhängigen Gefahrenabwehr. Berlin; New York, 1996. 286 s.
20. *Maßregelvollzugsrecht:* Kommentar, hrsg. von H. Kammeier. Berlin; New York, 2010. 704 s.
21. *Meier B.-D.* Strafrechtliche Sanktionen. Berlin, 2001. 378 s.
22. *Morgenstern C.* Internationale Mindeststandards für ambulante Strafen und Massnahmen. Moenchengladbach, 2002. 503 s.
23. *Restorative Justice and Mediation in Penal Matters. A stock-taking of legal issues, implementation strategies and outcomes in 36 European countries / F. Dünkel, J. Grzywa-Holten, P. Horsfield (Eds.).* Vol. 1–2. Moenchengladbach, 2015. 1128 p.
24. *Roxin C.* Strafrecht. Allgemeiner Teil. Band 1. München, 1997. 987 s.
25. *Steffens R.* Wiedergutmachung und Täter-Opfer-Ausgleich im Jugend- und Erwachsenenstrafrecht in der neuen Bundesländern. Moenchengladbach, 1999. 408 s.
26. *Wessels J, Beulke W.* Strafrecht. Allgemeiner Teil. Die Straftat und Aufbau. München, 2010. 394 s.

References

1. *Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E.* Problemy rossiyskoy ugovnoy politiki [Problems of the Russian Criminal Policy]. Moscow, 2014. 292 p. (In Russ.).
2. *Bibik O. N.* Kontseptsiya razvitiya ugovnogo zakonodatel'stva RF kak osnova dlya formirovaniya novoy modeli gosudarstvennogo upravleniya v sfere protivodeystviya prestupnosti [The Concept of Development of the Criminal Legislation of the Russian Federation as a Basis for the Formation of a New Model of Public Administration in the Field of Counteracting Crime]. *Sovremennaya ugovnaya politika: poisk optimal'noy modeli. Materialy VII Rossiyskogo kongressa ugovnogo prava (31 maya – 1 iyunya, 2013)* [Modern Criminal Policy: Search of the Best Model. Proceedings of the 7th Russian Congress on Criminal Law (May 31 – June 1, 2012)]. Moscow, 2012. Pp. 14–18. (In Russ.).
3. *Boyko A. I.* Podkonstitutsionnost' ugovnogo zakona i ee realizatsiya [Constitutionality of Criminal Law and Its Implementation]. *Ugovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy X Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (24–25 yanvarya, 2013)* [Criminal Law: Strategy of the Development in the 21st Century. Proceedings of the 10th International Scientific-Practical Conference (January 24–25, 2013)]. Moscow, 2013. Pp. 12–16. (In Russ.).
4. *Gilinskiy Ya. I.* Zapret kak kriminogennyi (deviantogennyi) faktor [Prohibition as a Crimi-

- minogenic (Deviantogenic) Factor]. *Rossiyskiy kriminologicheskiy vzglyad* – Russian Criminological Outlook. 2009. Issue 3. Pp. 302–311. (In Russ.).
5. *Domnikova V. V. Prestuplenie i grazhdanskoe pravonarushenie v period pervoy poloviny XIX veka* [Crime and Civil Offence in the First Half of the 19th Century]. *Problemy kodifikatsii ugovolnogo zakona: istoriya, sovremennost', budushchee. Materialy VIII Rossiyskogo kongressa ugovolnogo prava (30–31 maya, 2013)* [Problems of the Criminal Law Codification: History, Contemporary, Prospects. Proceedings of the 8th Russian Congress on Criminal Law (May 30–31, 2013)]. Moscow, 2013. Pp. 62–69. (In Russ.).
  6. *Zaytseva O. V. Ugolovnaya otvetstvennost' uchastnikov izbiratel'nogo protsesssa i printsipy kriminalizatsii obshchestvenno opasnykh deyaniy* [Criminal Liability of Electoral Process Participants and Principles of Criminalization of Socially Dangerous Acts]. *Prestupnost', ugovolnaya politika, ugovolnyy zakon. Sbornik nauchnykh trudov* [Crime, Criminal Policy, Criminal Law. Collection of Scientific Papers]. Saratov, 2013. Pp. 323–327. (In Russ.).
  7. *Zyryanova I. A. Obshchaya kharakteristika korruptsii i ee negativnykh posledstviy v izbiratel'nom protsesse* [General Characteristic of Corruption and Its Negative Consequences in the Electoral Process]. *Yuridicheskaya mysl'* – Legal Thought. 2014. Issue 2. Pp. 77–83. (In Russ.).
  8. *Makareyko N. V. Administrativnoe pravo: kratkiy kurs lektsiy* [Administrative Law: Short Lecture Course]. Moscow, 2014. 212 p. (In Russ.).
  9. *Mal'ko A. V. Stimuly i ogranicheniya v prave* [Incentives and Limitations in Law]. Moscow, 2005. 250 p. (In Russ.).
  10. *Nomokonov V. A. Prestupnaya "dekriminalizatsiya"* [Criminal "Decriminalization"]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* – Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow. 2012. Issue 3. Pp. 48–57. (In Russ.).
  11. *Prestupnost' i pravonarusheniya (2009–2013): statisticheskiy sbornik* [Crime and Legal Offences (2009–2013): Statistics Digest]. Moscow, 2014. 180 p. (In Russ.).
  12. *Raska E. E. Bor'ba s prestupnost'yu i sotsial'noe upravlenie: teoreticheskie i metodologicheskie aspekty* [Fight Against Crime and Social Management: Theoretical and Methodological Aspects]. Tallinn, 1985. 215 p. (In Russ.).
  13. *Shchedrin N. V. Novyy Ugolovnyy kodeks Rossii v kontekste sotsial'nogo upravleniya* [New Criminal Code of Russia within the Framework of Social Administration]. *LEX RUSSICA*. 2015. Issue 3. Pp. 48–63. (In Russ.).
  14. *Christi N. Limits to Pain*. Oxford, 1981. 164 p. (In Eng.).
  15. *Frisch W. Die Maßregeln der Besserung und Sicherung im strafrechtlichen Rechtsfolgensystem. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*. 1990. Issue 102. Pp. 343–393. (In Germ.).
  16. *Hassemer W. Freiheit und Sicherheit am Beispiel der Kriminalpolitik. Greifrecht*. 2008. Issue 6. Pp. 73–80. (In Germ.).
  17. *Jescheck H.-H. Die Freiheitsstrafe und ihre Surrogate in rechtsvergleichender Darstellung. Die Freiheitsstrafe und ihre Surrogate im deutschen und ausländischen Recht*; ed. by H.-H. Jescheck. Baden-Baden, 1984. Pp. 1939–2163. (In Germ.).
  18. *Jescheck H.-H. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil*. 4th ed. Berlin, 1988. 931 p. (In Germ.).
  19. *Kammeier H. Maßregelrecht: Kriminalpolitik, Normgenese und systematische Struktur einer schuldunabhängigen Gefahrenabwehr*. Berlin; New York, 1996. 286 p. (In Germ.).
  20. *Maßregelvollzugsrecht: Kommentar*; ed. by H. Kammeier. Berlin; New York, 2010. 704 p. (In Germ.).
  21. *Meier B.-D. Strafrechtliche Sanktionen*. Berlin, 2001. 378 p. (In Germ.).
  22. *Morgenstern C. Internationale Mindeststandards für ambulante Strafen und Massnahmen*. Moenchengladbach, 2002. 503 p. (In Germ.).
  23. *Restorative Justice and Mediation in Penal Matters. A Stock-Taking of Legal Issues, Implementation Strategies and Outcomes in 36 European Countries*; ed. by F. Dünkel, J. Grzywa-Holten, P. Horsfield. Vol. 1–2. Moenchengladbach, 2015. 1128 p. (In Eng.).
  24. *Roxin C. Strafrecht. Allgemeiner Teil*. Vol. 1. Munich, 1997. 987 p. (In Germ.).
  25. *Steffens R. Wiedergutmachung und Taeter-Opfer-Ausgleich im Jugend- und Erwachsenenstrafrecht in der neuen Bundeslaendern*. Moenchengladbach, 1999. 408 p. (In Germ.).
  26. *Wessels J., Beulke W. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Die Straftat und Aufbau*. Munich, 2010. 394 p. (In Germ.).